

АРТЕМ ЕВГЕНЬЕВИЧ РАДЕЕВ

Доктор философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
a.radeev@spbu.ru

УДК 7.01

О ТРУДНОЙ ПРОБЛЕМЕ В ЭСТЕТИКЕ

Аннотация: В эстетике, как и в других отраслях философии, существуют свои фундаментальные проблемы. В разные моменты истории эстетики такими проблемами были вкус как форма эстетического суждения, границы искусства, возможности эстетического метода и др. На сегодня можно выделить как минимум три фундаментальных проблемы, с разной степенью успешности решаемые в эстетике. Первая — это комплекс проблем эстетического опыта, в том числе проблема его наличия, проблема его анализа. Вторая — это проблема искусства как особого предмета эстетического опыта. Третья еще не получила своего четкого обозначения, но на сегодня ее обозначают как проблема эстетики повседневности, эстетики окружающей среды или же эстетики атмосферы. Внутри какого-либо проблемного поля может быть заложена проблема, составляющая суть этого поля, но так и не решенная до сих пор. Внутри комплекса проблем эстетического опыта имеется своя трудная проблема. Она основана на различии между чувственным и эстетическим опытами. Суть этой проблемы: в чем необходимость существования эстетического опыта наравне с чувственным? Эта проблема представляется нерешенной. Но если не решить эту проблему, то придется признать, что эстетический опыт случаен, что нет никакой необходимости в его существовании, что он сводим к другим формам опыта и никакой собственной характеристикой он не обладает.

Ключевые слова: эстетический опыт; трудная проблема сознания; медленная наука; философия искусства; эстетика повседневности.

Для цитирования: Радеев А.Е. О трудной проблеме в эстетике // *Studia Culturae*. 2023. Вып. 4 (58). С. 56–66. DOI: 10.31312/2310-1245-2023-58-56-66.

ARTEM EVGENIRVICH RADEEV

Dr Sc. (Philosophy), Associate Professor,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
a.radeev@spbu.ru

ON A HARD PROBLEM IN AESTHETICS

Abstract: Aesthetics, like other branches of philosophy, has its fundamental problems. At different points in the history of aesthetics, such problems have been taste as a form of aesthetic judgment, the limits of art, the possibilities of aesthetic method, and others. Today we can distinguish at least three fundamental problems that are solved in aesthetics with varying degrees of success. The first is a set of problems of aesthetic experience, including the problem of its existence and the problem of its analysis. The second is the problem of art as a special object of aesthetic experience. The third has not yet been clearly defined, but today it is labeled as the problem of the everyday aesthetics, the aesthetics of the environment, or the aesthetics of atmosphere. Within a problem field there may be a problem that is the essence of the field but has not been solved yet. Within the set of problems of aesthetic experience there is a hard problem. It is based on the distinction between sensory and aesthetic experiences. The essence of this problem: what is the necessity of the existence of aesthetic experience on a par with sensory experience? This problem seems to be unsolved. But if we do not solve this problem, we will have to admit that aesthetic experience is accidental, that there is no need for its existence, that it is reducible to other forms of experience, and that it has no characteristic of its own.

Key words: aesthetic experience; hard problem of consciousness; slow science; philosophy of art; everyday aesthetics.

For citation: Radeev A.E. “On a Hard Problem in Aesthetics”, *Studia Culturae*, 2023, Iss. 4 (58): 56–66, DOI: 10.31312/2310-1245-2023-58-56-66.

Минимальной добродетелью для философской работы является постановка проблемы — нахождение проблемного в том, что представлялось непроблемным, формулировка этой проблемы, прослеживание других проблем, близких к найденной, очерчивание проблемного поля.

Разумеется, одной только постановкой проблемы философская добродетель не ограничивается — постановка может привести к созданию концептов, и потому знаменитое восклицание Ж. Делеза «Чего стоит философ, если он не создал ни одного концепта?» следует понимать двояко — с одной стороны, как признание того, что производство концептов является не простой игрой по изобретению слов, а продуктом проделанной работы по постановке проблемы; с другой стороны, как предположение того, что именно за созданным концептом раскрывается новый горизонт для поставленной проблемы.

В то же время работа с проблемой вовсе не означает, что эта проблема будет неминуемо решена или что она приведет к созданному концепту. Иначе говоря, нужна еще и другая философская добродетель, позволяющая удержаться от поспешности решения проблемы, от иллюзии того, что нерешенная проблема — это мало. В философских текстах, лишенных этой добродетели, можно наблюдать одну и ту же картину: сначала мы видим постановку проблемы, а затем крайне поспешное ее решение, т.е. предложение решения проблемы сомнительными и не вызывающими доверия средствами. Это очень напоминает то, что И. Стенгерс и ряд других современных ученых, обеспокоенных поспешностью в исследованиях, называют «быстрой наукой»: «Быстрая наука — это не столько про вопрос о скорости, сколько про императив не замедляться, не терять время... Императив означает, что ландшафт... не представляет никакого интереса, есть только препятствия, которые приходится обходить» [1, р. 115]. Если верно, что наука (по крайней мере, фундаментальная ее часть) имеет право оставаться медленной, то и философская работа не должна пренебрегать этим правом. Сомнительный императив во что бы то ни стало решить поставленную проблему приводит лишь к разочарованию в проделанной философской работе.

О решенных и нерешенных проблемах в эстетике

В истории эстетики было много проблем, которые ставились, решались, забывались, возрождались. В разные моменты истории эстетики такими проблемами были вкус как форма эстетического суждения, границы искусства, возможности эстетического метода и др.

На сегодня можно выделить как минимум три фундаментальных проблемы, с разной степенью успешности решаемые в эстетике.

Первая — это комплекс проблем эстетического опыта, в том числе проблема его наличия, проблема его анализа. К постановке этой проблемы и к ее решению эстетика шла долгим путем через обнаружение вкуса как особой способности судить об объекте, через обнаружение незаинтересованности как существенной черты вкуса, через введение концепта эстетического отношения, через закрепление всего этого пройденного пути осмысления в концепте эстетического опыта. Конечно, проблематика эстетического опыта еще не исчерпана — проводятся исследования относительно осмысления границ эстетического опыта и его взаимосвязи с другими типами опыта, анализируются возможности более детального изучения форм эстетического опыта, изучаются границы субъекта этого опыта (может ли эстетический опыт быть коллективным, насколько эстетический опыт замкнут пределами человеческого и т.д.). Существует и ряд других проблем, еще не решенных и, возможно, даже еще не поставленных в отношении эстетического опыта, но, по крайней мере, круг проблематики эстетического опыта представляется на данный момент более-менее очерченным.

Вторая фундаментальная проблема, поставленная и в какой-то степени решенная в эстетике — это проблема искусства как особого предмета эстетического опыта. История эстетики в осмыслении этой проблемы шла тернистым путем через

введение концепта «изящное искусство», через очерчивание фигуры художественного треугольника «автор — произведение искусства — реципиент» и введение дополнительных элементов в эту фигуру и закрепление концепта арт-мира, через стремление описать систему искусств и отвержение попыток единого основания для множества элементов произведений искусств и их видов, через стремление определить границы понятия искусства и затем через разочарование в этом стремлении. На данный момент наблюдается устойчивая тенденция в возвращении при осмыслении искусства к понятию *tekhne*, в пределах которого не различается искусство и ремесло.

Наконец, третья фундаментальная проблема, с которой эстетика активно работает — это то, что еще не получило окончательного концептуального закрепления, но описательно можно обозначить как «по ту сторону эстетического субъекта и эстетического объекта». Имеется в виду проблематика, нашедшая свое выражение в эстетике повседневности, эстетике окружающей среды или же эстетике атмосферы — все эти проблемные поля в том или ном виде предполагают преодоление субъект-объектной парадигмы, нахождение чего-то третьего вне эстетического опыта (как субъекта) и искусства (как объекта). Эта проблематика относительно новая, поскольку возникает она, главным образом, на основании представления об исчерпанности возможностей эстетики искусства и завершенности исследования границ эстетического опыта. Оба эти основания, как показывает время, не настолько надежны, как это могло показаться еще несколько десятилетий назад, но, тем не менее, толчок для формирования нового проблемного поля в эстетике был дан, и в наше время исследования в области «эстетики третьего» очень активно развиваются на фоне сложившихся представлений о первых двух фундаментальных проблемах в эстетике.

Разумеется, есть соблазн сказать, что проблем (в том числе и фундаментальных) в эстетике гораздо больше. Кто-то

скажет, что существует фундаментальная проблема «эстетическое — политическое», для кого-то не менее фундаментальной представляется проблема отношения эстетики и медиа, кто-то будет настаивать на фундаментальном характере проблемы эстетики нечеловеческого. Не имея здесь возможности как для более подробного разбора каждой из этих проблем, так и для более строгого обоснования фундаментальности трех указанных фундаментальных проблем, могу лишь согласиться с тем, что сам круг тех проблем, которые представляются фундаментальными для эстетики, еще только ждут своего более детального анализа.

О трудной проблеме в эстетике

Есть одна сложность, которую приходится принимать во внимание, когда заходит речь о проблемах и их решении. Важно не только то, что есть проблемы, над решением которых бьется отрасль знания, но и то, что внутри какого-либо проблемного поля заложена проблема, составляющая суть этого поля, но так и не решенная до сих пор. Можно вспомнить, как на такую нерешенную проблему внутри онтологии указал М. Хайдеггер. Существуют проблемы (и их решения) того, что такое сущее, того, что позволяет сущему быть с той или иной определенностью, того, каковы условия познания сущего. Но внутри проблемного поля онтологии неизменно возникает вопрос: почему вообще есть скорее сущее, а не ничто? В чем необходимость сущего как сущего? Аналогичный вопрос в пределах теории сознания возник в философии Д. Чалмерса — вопрос, который он сам обозначил как «трудная проблема сознания»: почему деятельность мозга сопровождается ментальными актами? Проблема не в том, чтобы провести границу между мозгом и ментальными актами (хотя и это, несомненно, важнейшая проблема), а в том, какова вообще необходимость ментальных актов, насколько

они необходимы для деятельности мозга. Как известно, Чалмерс признал принципиальную нерешенность этой проблемы, но в то же время предложил собственное предварительное ее решение в виде гипотезы о панпсихизме или повсеместности сознания.

Постигла ли эстетику аналогичная участь и можно ли в ней найти нерешенные, трудные вопросы, заложенных внутри ее фундаментальных проблем? Было бы поспешностью утверждать, что за всеми фундаментальными эстетическими проблемами лежат ее «трудные проблемы». Для преодоления этой поспешности потребовалось бы более глубокое понимание того, что такое проблема. Но как минимум на одну трудную проблему в эстетике указать можно. Связана она с комплексом проблематики эстетического опыта.

Чтобы эта проблема предстала более отчетливой, вспомним, что зачастую дискуссии об эстетике ведутся вокруг ее этимона — *aesthesis*. Стало почти общим местом начинать разговор об эстетике — будь то в учебной аудитории или же при определении ее проблемного поля — со ссылки на ее этимон. Но следует признать, что эта ссылка *de facto* не работает. Дело в том, что сам *aesthesis* легко ускользает от определенности: *aesthesis* может означать и «чувство», и «чувственность», и «чувствительность», и «ощущение», и «восприятие», и «эмоция», и «аффект» (все это мы сегодня предпочитаем различать), не говоря уже о том, что возможно понимать *aesthesis* и как «звериный след» [2, с. 90]. Можно лишь риторически спросить: так ли оправдано предлагать интерпретировать эстетическую проблематику исходя из такого смутного этимона? А. Ф. Лосев, понимая всю смутность ссылки на этимон, поставил в свое время оправданный вопрос: не кажется ли несомненным то, что общее между новоевропейским термином «эстетика» и древнегреческим *aesthesis* давно утратило свою определенность? [3, с. 559]. Трудно отделаться от подозрения, что ссылка на этимон скорее призвана обосновать уже

сложившуюся интерпретацию. И поэтому следует не столько искать в этимоне подтверждения сложившейся интерпретации, сколько задать ту, которая кажется существенной для понимания *aesthesis*'а.

Внутри комплекса проблем эстетического опыта имеется своя трудная проблема. Само допущение того, что существует какой-то особый, эстетический опыт, подразумевает, что существует определенное различие между чувственным опытом и эстетическим. Чем же отличается одно от другого? Что должно изменяться в чувственном опыте, чтобы можно было его идентифицировать как эстетический? Следует учесть, что в нашей стране самая терминология, связанная с эстетическим опытом, еще не стала доминирующей, и зачастую говорят, скорее, в терминах субстантивированного прилагательного — не «эстетический опыт», а «эстетическое». Если не вдаваться в дискуссии о возможностях такой субстантивации и если эвристически принять ее, вопрос можно поставить и в других терминах — чем же отличается чувственное от эстетического?

Безусловно, в истории эстетики было предложены самые разные варианты ответа на этот вопрос: кто-то утверждает, что чувственное должно «прирасти» сверхчувственным, чтобы оно стало эстетическим, кто-то утверждает, что к чувственному прибавляется незаинтересованность, за счет чего чувственное становится эстетическим, кто-то предлагает понимать эстетический опыт как форму многообразного в чувственном, кто-то исходит из необходимости оценочного представления в отношении чувственного, чтобы оно трансформировалось в эстетическое, кто-то трактует эстетическое как выраженное внутреннее во внешнем чувственном. Наконец, кто-то предлагает варианты, подразумевающие целый комплекс условий, благодаря которым чувственный опыт становится эстетическим. Пусть каждый из этих вариантов будет свое время удостоен отдельного внимания и

критики. И к каким бы результатам ни привела эта критика, она неизбежно покажет, что из обозначенного различия между чувственным и эстетическим следует и другие, важные вопросы, которые поднимаются в эстетическом анализе. Так, немаловажным следствием указанного различия является проблема многообразия эстетических состояний, коррелирующих с чувственностью — проблема особенностей эстетического удовольствия, проблема возможности эстетического неудовольствия, проблема степени эстетического удовольствия (от эстетической радости до эстетического наслаждения). Другим комплектом проблем из указанного различия является проблема типов чувственности (т.н. «чувственная пятерница») и возможности ее коррелята в эстетическом опыте, т.е. проблема того, насколько возможна эстетика осязания, обоняния и вкуса наравне с эстетикой зрения и слуха. Также немаловажной проблемой является и связь эстетического анализа с анализом чувственности со стороны психологии и физиологии.

Все это важные проблемы, вытекающие из допущения различия между чувственным и эстетическим опытами, и все эти проблемы можно и нужно решать. Однако существует трудный вопрос, которой лежит в основе указанного различия: а в чем, собственно, необходимость существования эстетического опыта наравне с чувственным? Речь идет не о необходимости для человека или культуры, а о необходимости для самого же чувственного опыта. В чем необходимость для чувственного опыта трансформироваться в эстетический? Почему деятельность чувственного может (или должна) сопровождаться эстетическими состояниями? Иначе говоря, насколько неслучайным для самой же чувственности является эстетический опыт?

Легко заметить, что этот вопрос обращается к тому, что лежит в основе различия на чувственное и эстетическое. Ибо если допустить, что в основе этого различия лежит

представление о незаинтересованности, то трудную проблему можно поставить так: в чем необходимость опыта незаинтересованности для самой же чувственности? Если допустить, что различие основано на приращении чувственного сверхчувственным, то трудная проблема приобретает такой характер: в чем необходимость сверхчувственного для самого же чувственного, насколько первое не случайно для второго? Или если допустить, что эстетический опыт отличается от чувственного тем, что первое подразумевает форму многообразного второго, то трудная проблема приобретает такой характер: в чем необходимость для чувственного опыта формировать его конфигурации многообразного?

В чем важность этой трудной проблемы в эстетике? Дело в том, что если не решить эту проблему, то придется признать, что эстетический опыт случаен, что нет никакой необходимости в его существовании, что он сводим к другим формам опыта и никакой собственной характеристикой он не обладает. Интуитивно кажется, что это не так, что существует какая-то внутренняя необходимость в эстетических переживаниях. Безусловно, легко отвергнуть трудную проблему, сказав, что эстетический опыт необходим для человека как носителя этого опыта или для культуры как формы репрезентации этого опыта. Но это означает, что различие на чувственное и эстетическое поддерживается третьим элементом (пусть и тесно связанным с первыми двумя), и в таком случае внутренней необходимости самих этих элементов не существует. Если же, напротив, признать, что, во-первых, эстетический опыт произведен от чувственного, и, во-вторых, эта производность основана на особенностях функционирования чувственного опыта, и потому для обоснования этой производности нет необходимости привлекать никакого третьего элемента, то проблема для эстетики остается — трудной и до сих пор нерешенной.

Имеет ли смысл биться над этой проблемой? Безусловно да, ибо именно от ее решения и зависит, собственно, насколько

эстетические переживания (т.е. весь комплекс многообразия эстетического опыта) неслучайны. Или же все же они случайны, и потому эстетика — это отрасль философии, гонящаяся за мнимым?

Как известно, для решения трудной проблемы сознания Д. Чалмерс допустил, что ментальные акты не просто каким-то образом необходимы для поддержания деятельности мозга, но самой основой деятельности мозга является нечто ментальное. Насколько предложенное решение аналогично для эстетического опыта — вопрос открытый. И безусловно, велик соблазн предложить какой-либо иной ответ на поставленный трудный вопрос. Однако хотелось бы думать, что этот соблазн избежит поспешности, от которой следует дистанцироваться при решении фундаментальных проблем. Вопрос о чувственном еще только должен быть поставлен.

Список литературы | References

1. Stengers I. *Another Science is Possible*, Polity Press, 2018.
2. Грякалов А.А. Эстетика встреч: эстетизис — субъект-свидетель — утверждение // *Terra Aestheticae*. 2019, № 2 (4). С. 85–107.
Griakalov A. “Aesthetics of meetings: estesis — subject-witness — approval”, in *Terra Aestheticae*, 2019, no. 2 (4): 85–107. (In Russ.)
URL: <http://terraaestheticae.ru/index.php/terraaestheticae/article/view/64/85> (access: 08.02.23)
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 1. М.: АСТ, 2000.
Losev A. *History of ancient aesthetics. The results of a thousand years of development: in two vols., Vol. 1*, Moscow, AST, 2000. (In Russ.)